

Трибуна молодого автора

УДК 94(470.51)"1870/1880":323.28(045)

Д.А. Морозов

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В 1870–1880-Е ГОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПИСКИ П. А. ВАЛУЕВА)

В контексте истории революционного терроризма в России в 1870–1880-х гг. рассматривается восприятие его политической элитой Российской империи на материале записки министра государственных имуществ П. А. Валуге, поданной им императору после убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Этот документ, составленный в ближайшее к убийству время, имеет яркую эмоциональную окраску. В нем выражено реальное настроение П. А. Валуге, вызванное террористическим актом революционеров. Бурно реагирует сановник на убийство шефа жандармов. Этому событию П. А. Валуге придает слишком разрушительный характер. Меры, предложенные им в записке, неадекватны совершенному революционерами деянию. П. А. Валуге и другие высшие чиновники России вместе с императором гипертрофированно восприняли этот теракт, вследствие чего была претворена в жизнь большая часть мер, предложенных в записке. Борьба самодержавия со следствием, а не с причинами, которые его породили, только усугубляла ситуацию.

Ключевые слова: революционный терроризм, П. А. Валуге, политическая элита, восприятие революционного терроризма, реакционная политика самодержавия.

Главное оружие терроризма – страх. Он может быть разных окрасок: от естественного страха за свою жизнь до страха потери политической власти. В последнем случае речь идет о том, как терроризм оказывает влияние на государство и его институты. Террористические акты зачастую свидетельствуют о бессилии государственной власти. Создается прецедент неповиновения и открытого силового противостояния государству. Терроризм активизирует настроения и силы, оппозиционные власти, призывает на борьбу, к сопротивлению государству. Проблема воздействия терроризма на государство и политическую власть по-прежнему находится среди первостепенных предметов исследований. Остается актуальным и вопрос о том, насколько сильно терроризм может воздействовать на государство, особенно на политическую элиту.

Эти темы особенно важны в аспекте борьбы с терроризмом. Дискуссии, ведущиеся историками и не только ими, посвящены любой из форм и любому из типов терроризма. В советской исторической науке и в первой половине 1930-х гг., и в 1960–1980-е гг. активно обсуждался этот вопрос применительно к терроризму революционеров из организаций «Земля и воля» и «Народная воля» [5–7; 9–17]. Изучение воздействия революционного терроризма на самодержавие было в исторической науке частью темы развития второй революционной ситуации в России. Советские историки, осмысливая революционную ситуацию на рубеже 1870–1880-х гг., делали вывод, что в высшей власти наблюдалась растерянность, а у некоторых ее представителей – даже паника, особенно в период, когда за дело взялись народовольцы и повели «о хоту на царя» [6. С. 55; 16. С. 85; 95; 17. С. 3; 84]. Большинство исследователей подтверждали свои выводы материалами из дневников и мемуаров государственных деятелей [12. С. 97; 14. С. 166–167; 171; 17. С. 87]. Из делопроизводственных документов часто использовались материалы следствия и суда над народниками: «процесс 193-х», «процесс 50-ти», «процесс 16-ти», процесс первомайцев и др. Делопроизводство государственных органов, прежде всего, привлекалось для того, чтобы выявить признаки революционной ситуации, а не оценку эмоциональной реакции чиновников.

Но среди делопроизводственных документов есть и такие, которые свидетельствуют об эмоциональном состоянии человека, их составлявшего, а также показывают степень воздействия события на составителя документа. В этом аспекте примечательна записка председателя Особого совещания (Совещательного присутствия), министра государственных имуществ Петра Александровича Валуге, поданная им императору после убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 55–59; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 416. Л. 127–129].

Этот источник пока не получил серьезного анализа в научной литературе. Есть только отрывочные упоминания, например, у П. А. Зайончковского в его фундаментальном труде, посвященном

кризису самодержавия в 1870–1880-х гг. [9. С. 76]. Между тем записка Валуева наглядно отражает настроения политической элиты в условиях подъема революционного движения и ее реакцию на террористическую борьбу народников. Обратимся к содержанию записки П. А. Валуева и проследим как революционный терроризм воспринимался в политических верхах Российской империи и какое воздействие оказывал на них.

Известно, что П. А. Валуев был своеобразной личностью в правительстве Александра II. Его нельзя однозначно отнести к либералам или консерваторам. Верную характеристику Валуеву дал еще П. А. Зайончковский, первый из исследователей составивший биографический очерк о министре [8. С. 17–55]. П. А. Валуев, оставаясь непримиримым сторонником самодержавия, хотел облечь монархию в «рамки законности, расширить ее социальную базу» [8. С. 29]. Будучи также сторонником репрессий по отношению в политической оппозиции, он вместе с тем понимал необходимость уступок при подавлении революционных выступлений. «От либеральных демократов он отличался своим аристократизмом, защитой узкословных интересов дворянства» [8. С. 30]. П. А. Зайончковский отмечал такие черты личности П. А. Валуева, как карьеризм, угодничество, в первую очередь – перед императором, чем и объяснял «политику лавирования» министра [8. С. 30]. «Колебания Валуева в тех или иных вопросах политики являлись в какой-то степени отражением колебаний самого Александра II», – заключает Зайончковский [8. С. 30]. К такому же выводу приходили многие из современников министра. В одном из номеров «Колокола» П. А. Валуева называли «флюгер, направляемый ветром придворным» [2. Л. 1920], а современники-недоброжелатели нарекли его «Виляевым» [4. С. 284]. Итак, перед нами предстает образ одного из высших сановников страны второй половины XIX в.: угодливый, хитрый и рассудительный, с аристократической выдержкой.

Прежде чем перейти к содержанию самой записки П. А. Валуева, восстановим детали убийства шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Утром 4 августа 1878 г. на Михайловской площади, в Санкт-Петербурге, кинжалом был заколот главноуправляющий III Отделением и шеф жандармов Н. В. Мезенцов. Смертельный удар был нанесен С. М. Кравчинским, членом революционной организации «Земля и воля». В покушении на всемогущего начальника политического сыска России участвовали А. И. Баранников, А. Ф. Михайлов; помогали в подготовке А. Д. Михайлов и О. А. Натансон. Решение убить Мезенцова было принято после того, как, по его ходатайству, Александр II изменил приговор по «процессу 193-х», вследствие чего все оправданные по этому делу отправились в административную ссылку. Кроме того, шефа жандармов считали виновным в невыносимом положении политзаключенных в тюрьмах, особенно на юге страны. Ещё одна причина – расстрел 2 августа 1878 г. в Одессе И. М. Ковальского, окончательно убедивший революционеров в необходимости ответных мер. Убийство начальника зловещего и пугающего III Отделения, этой тайной полиции самодержавия, не могло не шокировать правящие круги империи, да и простых обывателей. Террористические акты к тому времени уже неоднократно совершались революционерами, в первую очередь «южанами». Но ни убитые рядовые полицейские шпионы, ни переживший покушение товарищ киевского прокурора М. М. Котляревский, ни заколотый адъютант начальника Киевского губернского жандармского управления барон Г. Э. Гейкинг, ни даже петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов, в которого стреляла В. И. Засулич, не шли ни в какое сравнение по своему рангу и статусу с Н. В. Мезенцовым. Шум, поднявшийся в обществе от этого убийства, был велик. Ситуацию усугубляло то, что убийцы беспрепятственно покинули место теракта и не были задержаны.

От властей для поддержания ими своего авторитета требовался надлежащий ответ. 8 августа, сразу после похорон Мезенцова, на которых присутствовали министры, дипломаты, Александр II и цесаревич великий князь Александр Александрович, состоялось совещание Совета министров в присутствии императора. На этом совещании П. А. Валуев зачитал свою записку.

В дневнике министра государственных имуществ не оставлено записей за август 1878 г. [3. С. 28]. Об убийстве Н. В. Мезенцова и последовавших затем государственных совещаниях он напишет лишь в сентябре [3. С. 28–29]. Поэтому нельзя установить с точностью до дня, когда эта записка была составлена. Очевидно лишь одно: в ближайшие за покушением дни и под сильнейшим эмоциональным воздействием от него. Насколько сильным было впечатление от убийства шефа жандармов, можно судить по тому, как в самом начале записки, П. А. Валуев настойчиво акцентирует внимание на обстоятельствах убийства, совершенно беспрецедентных для того времени: «События в Киеве и Одессе, а затем убийство Шефа жандармов, среди белого дня, в одной из центральных частей столицы и целую шайку убийц – обнаруживают такое положение дел, которое долее терпимо быть не может» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 55]. Убийство главы политического сыска империи, ответст-

венного за охранение основ государственного строя, серьезно взволновало Валуева. Как выше сказано, за август 1878 г. записи в его дневнике отсутствуют. Только в сентябре появится запись с обвинением министра юстиции Д. Н. Набокова в том, что тот больше заботится о «неприкосновенности прав прокуроров» [3. С. 29], чем о предупреждении и преследовании преступлений, в то время как убит шеф жандармов – и повторит как заклинание: «среди белого дня, на Михайловской площади» [3. С. 29]. Страх, возникший после убийства Мезенцова, внушал П. А. Валуеву опасения, что население, по крайней мере, образованная его часть, ощутит бессилие власти, а значит усомниться в ее авторитете. «Обиходные правовые средства, очевидно, недостаточны. Полиция слаба и боязлива. Суды доказали, что справиться со злом не могут. То, что называется обществом, существует более в газетах, чем на деле» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 55]. Министру видятся недостатки и слабость в политической системе страны. Картина рисуется им крайне мрачная: кругом трусы и враги.

Что же станет тем средством, которое спасет положение? Валуев видел только одну силу, на которую в такой ситуации может опереться государь – и это не правоохранительные органы, а армия [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 55]. Ряд экстренных мер, выдвинутых министром к обсуждению, предусматривал активное привлечение для борьбы с революционерами сил обороны страны. Он предлагал усилить полицию в Санкт-Петербурге, Одессе и Киеве войсковыми конными и пешими нарядами, и обязательно – со стоящими во главе армейскими офицерами, как это было при пожарах 1862 г. в столице [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 55]. Сложилась ситуация, равнозначная неконтролируемому стихийному бедствию, считал Валуев. И потому всякое сопротивление военной силе, вооруженное насилие следовало судить военно-полевым судом в сокращенные сроки [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 56], по сути министр предлагал объявить в стране военное положение. Кроме всего этого, председатель Особого совещания предлагал обязать (не предоставить право, а именно обязать) военные чины применять оружие не только тогда, когда им оказывают сопротивление, но и когда наносят оскорбления на площадях и улицах [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 56], то есть обязать солдат стрелять по толпе только за выкрики бранного слова в адрес военных. Также предлагал он при помощи войсковых оцеплений проверять и обыскивать целые кварталы [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 56]. Армия, выдвигаемая министром на первый план в борьбе с революционерами, получала полномочия правоохранительных органов и была огражденной в некоторых случаях от воздействия власти судебной. Так, П. А. Валуев хотел поручить Министерству юстиции приостановить действие правил, согласно которым нельзя было производить аресты без разрешения прокуратуры, а также «составить и издать правила, ограждающие офицеров и нижних чинов от неуместных или для них оскорбительных распоряжений и приемов гражданских судов» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 57]. И вообще «войско должно пользоваться привилегированным почетом» как «было всегда в Пруссии», продолжает сановник [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 58].

Впрочем, чиновник не планировал полностью устранить правоохранительные органы от их обязанностей. В его записке предлагается «усилить, в самой широкой мере», денежные средства на жандармерию и общую полицию [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 58]. Дополнительные меры борьбы с оппозиционным движением министр видел в штрафах и арестах за несвоевременное донесение домовладельцами о своих жильцах [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 57]. Вслед за этим набором мер идут стандартные предложения ужесточить правила в сфере образования и печати [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 58]. П. А. Валуев утверждает в записке, что на первое время не надо «стесняться... числом и формой арестов» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 57]. «Время бережливости и снисхождения настанет, когда будут схвачены главные нити зла» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 57]. Все эти меры, согласно его точке зрения, следовало принять «без ненужных совещаний, канцелярских проволочек и редакторских тонкостей» [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 59]. А если в *самом* (езде трусы и враги) правительстве будут колебания и затруднения, то «первые следует отбросить, а вторые сломать», заканчивал записку министр [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. Л. 59].

Записка вызвала полемику среди участников Совещания, но в основном – по вопросам прерогатив разных ведомств: по поводу увеличения финансирования полиции и жандармского корпуса с министром финансов С. А. Грейгом и по ограничению влияния прокуратуры с министром юстиции Д. Н. Набоковым.

Сама записка разительно отличается от всех остальных документов, составленных П. А. Валуевым [1. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338]. Тон, в котором она составлена, непривычно резок для него, можно даже сказать, что записка носит истеричный характер. Он и сам отмечает не свойственную ему, резкость в те дни в своем дневнике [3. С. 28]. Особенность тона записки отмечали и некоторые советские историки [9. С. 76].

Министр настолько был испуган покушением 4 августа 1878 г. и тревожился за будущее самодержавного строя (по-видимому, за свою судьбу), что предлагал отказаться от всех достижений периода реформ, еще не свернутых окончательно или измененных реакционерами. Он требовал установления ничем не прикрытого полицейского режима и военной диктатуры. Убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова, конечно, было крупным успехом революционеров, сенсацией и настоящей провокацией. Да и если быть откровенными, несмотря на то, что сами революционеры считали задачу покушения на начальника III Отделения трудновыполнимой (и поэтому особо тщательно готовились к ее осуществлению), оказалось, что убить его революционерам было проще простого. В этом факте, пока еще, не следует видеть проявления бессилия и слабости власти. Новое террористическое направление в революционном движении и терроризм организованной формы в целом, только начинали складываться, поэтому правительство не беспокоилось об охране своих представителей. Если даже император мог спокойно гулять по городу, хоть и под присмотром небольшого числа охранников, то что говорить о его сановниках, пусть и высокого чина. В роковой для Н. В. Мезенцова день его сопровождал его друг, подполковник Г. Мартынов. У государства еще не было опыта (и неоткуда было ему взяться), создания системы безопасности для политической элиты. Политические убийства еще не означали слабость власти, но уже могли подрывать ее авторитет, свидетельствуя о существенных изменениях в общественном сознании. Теперь появилась необходимость в охране представителей власти.

Убийство шефа жандармов не повлекло к каким-либо переменам в государственном механизме, на что рассчитывала часть революционеров и чего опасалась власть. Ответ самодержавия на этот вызов оказался не вполне адекватным. Большинство мер, выдвинутых П. А. Валуевым, были полностью одобрены Александром II и приняты правительством. Некоторые меры были реализованы уже на следующий день после совещания Совета министров. Так, военно-полевые суды ввели уже 9 августа 1878 г., хотя правительство и отказалось от предоставления армии чрезвычайных полномочий. Остальные мероприятия были проведены в жизнь в течение короткого периода: с сентября 1878 г. по 1879 г. практически безоговорочное принятие мер, предложенных министром, свидетельствует о том, что в своих опасениях П. А. Валуев был не одинок: их разделяли многие высшие сановники страны, в том числе – император.

Так или иначе, П. А. Валуев и мероприятия, предложенные им в своей эмоциональной записке, стали ответной реакцией всего самодержавия на проявления революционного терроризма. Эта реакция демонстрировала, что восприятие террористических актов правительством было неверным: это была борьба со следствием, а не с причинами, вызвавшими к жизни это явление. И борьба эта не только не завершилась успехом, а наоборот только нагнетала обстановку в политической жизни страны. Непонимание властной верхушкой империи сути настоящего момента подтверждалось наличием в стране серьезного политического кризиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный исторический архив (РГИА).
2. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Вып. IX. Факсимильное издание. М., 1964.
3. Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919.
4. Плансон А. А. Былое и настоящее: воспоминания о некоторых выдающихся людях и событиях 40-х и следующих годов: выводы, параллели, мысли. СПб., 1905.
5. Виленская Э. С. Революционное подполье в России: (60-е гг. XIX в.). М., 1965.
6. Волк С. С. Народная воля. 1879–1882. М., 1966.
7. Дискуссия о «Народной воле». [Стенограммы докладов В. И. Невского, И. А. Теодоровича, И. Л. Татарова и прений по докладом с приложением тезисов Культпропа ЦК ВКП (б) о пятидесятилетия «Народной воли»]. М., 1930.
8. Зайончковский П. А. П. А. Валуев (биографический очерк) // Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1.
9. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
10. Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.
11. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.
12. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллект. моногр. М., 1983.
13. Седов М. Г. Героический период революционного народничества. (Из истории политической борьбы). М., 1966.
14. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.

15. Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.
16. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов, 1976.
17. Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России (кон. 70-х – нач. 80-х гг. XIX в.): кризис государственной политики. М., 1963.

Поступила в редакцию 12.11.16

D.A. Morozov

**PERCEPTION OF REVOLUTIONARY TERRORISM OF THE 1870s – 1880s.
POLITICAL ELITE OF RUSSIA (EXEMPLIFIED BY P. A. VALUYEV'S NOTE)**

Within the context of the history of revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s, its perception by the political elite of the Russian Empire is considered. The research is conducted based on a note of the Minister of State-owned Property P. A. Valuev, that was handed over to the emperor after the murder of the chief of gendarmes N. V. Mezentsov. This document was made in time next to murder, carries bright emotional coloring. In it the real mood of P. A. Valuev caused by the terrorist attack conducted by revolutionaries is expressed. The rough reaction of the dignitary to the murder of the chief of gendarmes is accurately traced. P. A. Valuev gives to this event too destructive character. The measures proposed by Valuev in his note are not adequate to the act committed by the revolutionaries. The reaction of P. A. Valuev and other high-ranking officials of Russia and the emperor to this act of terrorism was hypertrophied; as a result, the majority of the measures proposed by Valuev in his note were implemented. It becomes clear that the struggle of autocracy against the consequences rather than the causes that had led to the terrorist act only aggravated the situation.

Keywords: revolutionary terrorism, P. A. Valuev, political elite, perception of revolutionary terrorism, reactionary policy of autocracy.

Морозов Денис Александрович, аспирант
кафедры Истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dr.oprichnik@gmail.com

Morozov D.A., postgraduate student
at the Department of history of Russia
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dr.oprichnik@gmail.com